

Соборность казаков всегда проявлялась на Кругах и сходах. В учебно – воспитательной программе ТПКУЦ предусмотрено минимум 2 раза в год проводить кадетский учебный Круг, на котором кадеты самостоятельно ставят и решают свои наболевшие вопросы. Так же Круги развивают братские отношения и укрепляют чувство единой казачьей семьи.

В Центре создан родительский комитет, проводятся заседания и родительские собрания, где обсуждаются проблемы, вырабатываются решения.

Выпускники ТПКУЦ формируются как личности, которым присущи такие качества, как духовность, патриотическое сознание, активная гражданская позиция.

Ярков А. П.

КАЗАКИ КЫРГЫЗСТАНА В ГОДЫ СМУТЫ.

Долгое время советская наука в определении казачества исходила из трактовки В.И. Ленина как «привилегированного крестьянского сословия», заинтересованного в сохранении существующего порядка. В то же время утверждалось, что казачество неоднородно из-за имущественного неравенства. К тому же известно, что к казакам относили и дворян, и купцов. Противоречивость данной оценки объясняется одноплановостью подхода к истории как к борьбе классов без учёта социально-экономического положения, групповых и личных интересов в конкретных исторических условиях. Между тем общество развивается на основе статичных и динамичных законов, находящихся в непрерывном взаимодействии. Так что историю казачества в Кыргызстане в годы Смуты нужно рассматривать, исходя не из «схем».

В действительности местное казачество до 1917 г. было уникальным и хорошо организованным социокультурным сообществом, носителем и охранителем общегосударственной идеи. Но советская власть не могла оставить это сообщество, грозившее неприятностями.

Со времени первого использования казаков в подавлении антиправительственных выступлений – сразу после присоединения Кыргызстана к России, станичники не переставали выполнять охранительные, а то и полицейские функции. Разумеется, можно осуждать эту миссию казачества. Но жестокая реальность состоит в том, что связанные воинской присягой и получавшие за исполнение обязанностей льготы, казаки были вынуждены выполнять приказы.

У казаков складывались напряженные отношения не только с коренным населением. Неслучайно одним из редких общественных требований, выдвинутых в 1905 г. пишпекцами, было требование о выводе из города квартировавшей сотни. На что областные власти при поддержке городских уполномоченных ответили оригинально: не только не вывели, но и ещё направили в город казаков из Джаркента. Это было высмеяно в одной из революционных прокламаций.

Ситуация накалилась в ходе событий 1905–1907 гг., когда все семиреченцы были отоброшены. Уже в январе-феврале 1906 г. на нефтепромыслах «Чимион» казаки арестовали зачинщиков забастовки. В апреле того же года 50 казаков из Гульчинской крепости подавляли беспорядки в местности Акбаса Ошского уезда.

Порой отношения казаков и кыргызов накалялись – виной были и мародерские наклонности некоторых станичников. Так, начальник Эркечтамского гарнизона сотник Новокрещёнов с подчинёнными отбирал у окрестных кыргызов масло, сено и баранов, а в случае отказа жестоко расправлялся. Естественно, это вызывало не только недовольство кыргызов, но и желание откочевать от греха подальше.

Начавшаяся Первая мировая война и последующие события существенно перевернули представления многих семиреченцев, ушедших на фронт, как и оставшихся в станицах и выселках...

Причины восстания 1916 г., ход его развития и подавления освещён в многочисленных научных трудах и публицистике. Поэтому остановимся только на «казачьем» аспекте этой темы, тем более что она нередко отражает парадоксальность ситуации. Так, например, в результате изъятия земли под станичные участки сельская община кыргызов № 211 Атекинской волости арендовала бывшие собственные пастбища у самсоновцев. Добавим, что в пользовании казаков в Пишпекском уезде находилось 78 357 дес., а в Пржевальском – 56 669.

Военных и полицейских сил для подавления очагов восстания (как отмечали власти) не хватало, как, впрочем, и оружия: «Русское население не вооружено и не воинственно. Все родившееся в Туркестане со времени его завоевания освобождены от воинской повинности». Обезлюдил и станицы – из насчитывавшего 45 тыс. населения Семиреченского войска (обоего пола, включая детей и стариков) мужчины призывного возраста (3,5 тыс.) были призваны на фронт – в Персию и на Кавказский фронт, где составили три полка и несколько отдельных сотен.

Как отмечал военный губернатор и наказной атаман Семиреченского казачьего войска М. А. Фольбаум: «Тяжелый период мятежа до 20 августа выдерживал на всём протяжении области всего 12 ротами и одной сотней без артиллерии». Вряд ли можно считать силой «случайные казачьи и обывательские формирования» из добровольцев,

поскольку они состояли из пожилых людей и нестроевых казаков – больных и увечных. К тому же в станицах не только верховые, но и рабочие лошади отбирались для армии. Без мужчин-казаков и тягловой силы станицы не могли дать ни прежнего урожая, ни скота для Действующей Армии.

Любопытно, что в самый разгар волнений, связанных с призывом коренных жителей края на тыловые работы, у власти возник «проект просить о зачислении киргиз в казачьи войска с предоставлением им права на казачий надел и на такие же обязанности к войне, как у русских». Главный «усмиритель» восстания А. Н. Куропаткин буквально накануне событий в Петрограде – 22 февраля 1917 г. обратился с рапортом-просьбой к царю – утвердить планы казачьей колонизации в Пржевальском и Нарынском уездах с выделением в каждом из них по 150 тыс. десятин.

Участвовали казаки и в демонстрации войск под красными знаменами. В Семиреченской области тогда впервые был не назначен, а выбран войсковой атаман – Н. С. Щербаков (бывший председатель войскового правления) и проведён Войсковой Круг, где были восстановлены основные принципы казачьей демократии. Но как только некоторые из лозунгов стали осуществляться, интересы казаков-землевладельцев и остального населения начали расходиться: летом 1917 г. безземельные и малоземельные крестьяне захватили землю станичников – самсоновцев и николаевцев. Те стали роптать.

И новая власть нуждалась в аппарате подавления недовольства и беспорядков – Временное правительство стало активно использовать прежний «опыт» казаков. Как вспоминал прибывший с фронта в конце июля 1917 г. Г. Н. Швец-Базарный – весь Пишпек был наводнён казаками, охранявшими не только общественные учреждения, но и купеческие, казённые магазины. Начальником гарнизона Пишпека тогда оказался «казачий полковник Пяткин».

В одной из телеграмм, направленных в Верный пржевальским уездным комиссаром, содержалась настоятельная просьба прислать сотню для поддержания порядка. Предчувствуя опасность, объединялись трудно сочетаемые ранее слои общества. Так, решение Семиреченского мусульманского съезда рекомендовало выдвигать делегатов в Учредительное Собрание совместно с казаками. И надо отметить – на выборах этот блок выиграл, набрал 53% голосов. К тому же, кроме доверия, это объединение имело организованную силу – вооруженные отряды алаш-ордынцев обучали казачьи офицеры. Но было поздно – «случилась» Октябрьская революция.

Уже на второй день после её установления в Ташкенте казачий Круг в Верном объявил, что берёт власть в Семиречье в свои руки и «не допустит здесь Советов». Между тем, революционные события уже раскачали неустойчивый кораблик казачьей диктатуры – в конце

1917–начале 1918 г. власть перешла в руки советской власти по всему Семиречью. Войсковой Круг пытался изменить ситуацию, послав из Верного в Пишпек казаков, но те оказались «наполовину красными» – пишпекские большевики во главе с Я. Логвиненко легко их распропагандировали – казаки повернули назад.

В установлении советской власти в Верном, а затем и в Пржевальске, принимал участие Второй Семиреченский казачий полк, прибывший из Персии. Показательно, что командир этого полка войсковой старшина Бакуревич не смог сопротивляться большевизации. Он расписался в собственном бессилии, побрил в Ташкенте голову и усы и вернулся через Пишпек в Верный частным человеком.

Оставшаяся до начала 1918 г. в Оше полусотня уральских казаков была индифферентна к новой власти, а её командир – подьесаул М. И. Щапов даже являлся начальником всего гарнизона, который вместо молитвы на Пасху у церкви пел «Отречемся от старого мира».

Позже всего советская власть пришла в Пржевальск, т. к. предпринятая в марте 1918 г. попытка оказалась временным успехом – представитель Пржевальского Совета крестьянских депутатов все же успел телеграфировать, что Второй казачий полк разоружил белоказачков, вооружив горожан. Но уже через 3 дня революционные части были распущены и заменены казаками из ближайших станиц Мариинской (Мариновской) и Николаевской, а гарнизон Пржевальска до июня 1918 г. возглавлял сотник Попелявский. Только приход красногвардейского отряда П.Н. Павлова положил конец казачьей власти. А станичники, опасаясь расстрелов, бежали по родным куреням, а некоторые и за границу – в Учтурфан.

Впервые белоказаки и сторонники советской власти в открытом бою столкнулись ещё в период разгрома правительства провозглашенной Кокандской автономии, которое пыталось перетянуть на свою сторону семиречков, уральцев и оренбуржцев, возвращавшихся с Кавказского фронта и из Персии.

В Кыргызстане в марте 1918 г. казаки и органы советской власти столкнулись в остром конфликте, когда станичники Кегетинской отняли у кыргызов на берегу реки Чу несколько тысяч баранов: «Мотивом ограбления казаки считали то, что они в 1916 г. были на фронте, а здесь мол, восставшие киргизы ограбили их семьи, забрали скот, пожгли хлеба...» Это событие активный участник борьбы с казачеством Г. И. Швец-Базарный назвал «пробным походом», потому, что казаки были хорошо вооружены стрелковым оружием, а красногвардейцы только барданами.

Некоторые из казаков Самсоновской, узнав о восстании против советской власти в станицах вокруг Верного, ринулись туда, но большая часть осталась дома, сдала оружие и признала новую власть. В этом была заслуга местного казака-большевика В. Скрыпникова.

В чем причина такого раскола? Известно, что советская власть декретом СНК от 31 мая 1918 г. оставила казачьи вольности, в т. ч. и в Семиречье. Но, сохранив традиционное самоуправление, казачьи наделы доводили до усредненных норм. Земли рядовых казаков по закону вообще не подлежали конфискации. Естественно, что средние слои казачества решили отсидеться. А вот зажиточным было, что терять. Так, в мае 1919 г. населению Токмака и Пишпека было выделено 2 500 пудов, реквизируемых у богатых станичников.

Семиреки воевали по разные стороны не только на Семиреченском фронте и в Фергане, но и на Урале, в Сибири, других регионах страны. С другой стороны, среди казачества в Кыргызстане было немало недовольных старыми порядками – за «Советы» воевали уроженцы разных казачьих территорий. Происхождением из оренбургской станицы Изобильной В.Я. Хрипченко после демобилизации в 1917 г. приехал в шахтерский поселок Кызыл-Кия и работал счетоводом. Но когда война пришла в дом, красный казак возглавил кавалерийский отряд шахтеров, который наносил ощутимые удары по армии Кокандской автономии и Крестьянской армии Монстрова, в которых тоже были казаки.

В Фергане отличалась в боях команда из 15 красных оренбургских казаков Козодуба. Судьба могла их столкнуть с бывшим командующим казачьими частями в Хиве И. Зайцевым, состоявшем военным специалистом у крупного басмача Иргаша.

Казачество надеялись перетянуть на свою сторону все, поскольку это была отлаженная, хорошо организованная военная сила. Как манну небесную ждали подхода оренбургских казаков восставшие против советской власти крестьяне села Беловодского, организуя свои подразделения по казачьему образцу. А против беловодских мятежников воевал казак М. П. Булавин.

Тюпский мятеж был одной из попыток казаков вернуться к прежним порядкам, но было уже поздно – их земли начали перераспределяться. Попытка возвращения в результате сопровождалась кровопролитием, от которого все, включая семиреков, безмерно устали. Старожилы иссыккульских сел вспоминали, каким страхом наполнялись их сердца в 1919 г., когда по улицам с гиканьем проносились казаки... Тогда к белоказакам примкнули зажиточные крестьяне из Тюпа (Преображенского) и Ак-Суу (Теплоключенки). Богатые казаки из Николаевской встречали «освободителей» хлебом-солью. Пришедший из Китая отряд Демченко в 50 казаков в результате увеличился и составил внушительную силу – 600 сабель. Приступив к Пржевальску, который обороняли 60 чел. при одном оружии и двух пулемётах, белоказаки в течение 5 суток безуспешно его штурмовали. Подоспевшие с Северного фронта красноармейские отряды заставили станичников отступить в горы или сдаться в плен.

Так судьба сыграла с казаками вновь «злую шутку»: основанный с их помощью в 1869 г.; названный в 1889 г. именем потомственного казака – Н. М. Пржевальского (там похороненного); спасенный ими в 1916 г.; в 1918 г. попеременно провозглашавший то власть «белых», то «красных» казаков, город в 1919 г. определенно встал на сторону советской власти.

Казаки еще несколько раз пытались прорваться к Пржевальску, но широкой поддержки не получили и были вынуждены вернуться в китайскую провинцию Синьцзянь, где при бывшем царском консуле Люба сосредотачивались антисоветские силы. Пользуясь поддержкой синьцзянских властей, Люба оказывал материальную помощь белому движению, поставлял новобранцев из числа русских, проживавших в Илийском районе.

Казаки в эти годы фактически «поменялись» местами с кыргызами, узбеками, таджиками, казахами, дунганями, бежавшими в Китай от геноцида 1916 г., орудием которого часто выступали карательные казачьи отряды.

Советская власть, «нахлебавшись» казачьего непостоянства, решила взяться за них основательно – в сентябре 1919 г. в Верном проведен Первый съезд красных казаков Семиречья, а в ноябре 1919 г. при ТурЦИКе под руководством С. П. Решетникова создан казачий отдел, на который возложили: содействие военным властям в мобилизации казачества; создание красных казачьих частей; организацию в станицах и подразделениях большевистских ячеек; переустройство казачьего самоуправления. Казачий отдел послал в станицы Прииссыккулья представителей – Решетникова и Ионова, которые смогли уставить от войны станичников успокоить и нейтрализовать недовольных. В районах проживания оставшихся «уходцев» вели работу Легостаев, Телегин и Бобылев.

2 марта 1920 г. командующий Туркестанским фронтом М. В. Фрунзе, хорошо знавший условия жизни семиреченского казачества, обратился к ним с воззванием, в котором объявлял об амнистии и призывал вернуться к мирной жизни. В результате пропагандистской работы и других акций советской власти казаки пошли служить, в т. ч. в три Семиреченских кавалерийских полка, где их опыт был кстати. В то время был сформирован и Семиреченский дунганский полк под командованием «дунганского» казака Магазы Масанчина. Более того, в марте 1920 г. он во главе отряда в 160 чел. приходил в Прииссыккулье. Возможно, что судьба столкнула его здесь с бывшими сослуживцами по казачьему полку.

В верненском мятеже в июне 1920 г. (о котором хорошо рассказывал в романе «Мятеж» Д. И. Фурманов) принимали участие и казаки из Кыргызстана, хотя напрямую мятеж не затронул эту территорию,

за исключением того, что пришедший из Сибири 482 стрелковый полк по пути «прочесал» прииссыккульские станицы в поисках мятежников и сочувствующих им.

Совместными усилиями Центра и местных Советов война в Семиречье в том году была окончена. Бывших белоказаков, раскаявшихся в прошлом, отправили на Ферганский фронт на борьбу с басмачеством, где они пробыли до 1922 г. Другая часть была переведена в Трудовую Армию, восстанавливавшую разрушенное войной.

Драматичные события проходили в противоположном лагере: расстреляв около 2 тыс. казаков, не пожелавших уходить в Китай, анненковцы и дутовцы – остатки всех бело-казацких войск (семиречки, сибирцы, оренбуржцы, уральцы, воевавшие в Семиречье) и части 4-го пехотного корпуса под командованием адмирала Бакича скрылись за границей и были почти полностью разоружены. В течение 1920 г. там собралось более 18 тыс. противников советской власти, значительную часть которых составляли казаки.

В самом Семиречье ещё продолжалось глухое сопротивление казачества – летом 1920 г. в Пишпекке была ликвидирована подпольная эсеровская группа, прибывшая из Верного и Узун-Агача. Куланакские (занарынские) казаки частично принимали участие в Нарынском мятеже в ноябре 1920 г. Но эта последняя вооруженная попытка свергнуть советскую власть уже не имела никакого значения. Перевес сил был явно не в пользу восставших.

Советская власть, окрепнув в центре и на местах, принялась за «социально неустойчивых» – на Первом Всероссийском съезде трудового казачества была принята резолюция: «Казачество отнюдь не является особой народностью или нацией, а составляет часть русского народа».

25 марта 1920 г. на Семиречье распространяется действие положения, согласно которому были унифицированы все местные органы самоуправления и, соответственно, ликвидированы казачьи сходы. В этот период появляются первые перегибы – в частности, кто-то запретил местным казакам «отправление церковных служб, служб с колокольным звоном, празднование Пасхи и т. п. Это их озлобило».

Осталось последним отличием большое казачье землевладение. Но и оно было ликвидировано – в сентябре 1920 г. Пятый съезд Компартии Туркестана и Девятый краевой съезд Советов постановили: «Провести ликвидацию нетрудовых кулацких и манапских хозяйств и захваченных ими у крестьянской бедноты земель». Основная масса казаков всё-таки относилась к зажиточным, открыв список репрессированных в советское время этносов и социальных групп.

Земельная реформа 1921–1922 гг. подорвала экономическую базу казаков. И хотя это вызывало возмущение – известны жалоба

схода жителей Самсоновской (Бурулдая) об ущемлении их интересов и протест выселенных из Дархана казаков, сила была на стороне советской власти.

Национально-территориальное размежевание Средней Азии в 1924 г. стало большим ударом по семирекам – их разделили Казахстан и Киргизия, став дополнительным препятствием на пути сохранения казачьего единства.

Репрессии приводили к массовому рецидиву страха, когда казаки стали бояться упоминать о происхождении. Тем более что стали «вспоминать» казакам прошлые грехи – в 1920–1928 гг. 12 раз арестовывали Ф. Серикова за участие в подавлении восстания 1916 г. Иссык-кульский казак А. Н. Ещенко «самораскулачился», отдав лошадей, коров, овец в создающееся коллективное хозяйство. Сам отправился на шахту. И таких примеров – сотни.

Кто мог, тот бежал через границу в Кульджу и Кашгар.

Литература

1. Ярков А. П. Казаки в Кыргызстане. Бишкек: КРСУ, 2002.– 76 с.